

Оригинальная статья / Original article

УДК 101.1:316

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-2-236-251>**«Политический романтизм» и «эстетическая политика»:
содержание, сопоставление, критика****К. Г. Мальцев¹, А. В. Мальцева¹ ✉, Л. Л. Ломако¹**

¹ Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова
ул. Костюкова, д. 46, г. Белгород 308012, Российская Федерация

✉ e-mail: pavic69@mail.ru

Резюме

Актуальность. В западной политической философии и политической теории суждение о том, что современная демократия не имеет удовлетворительной общей («синоптической») теории, имеет статус (почти) общезначимости, – философское истолкование этого «обстояния» является актуальной исследовательской задачей для современной политической философии.

Цель. Представление политического в «понятии политического» и «экономической парадигме политического» выявляет тождественные характерные черты; различается конфигурация их единства и оценка, которая им приписывается, – целью является понимание различных смыслов, которые приписываются одним и тем же «феноменам» и «процессам» современности в концептуальных каркасах, определенных противоположными парадигмами.

Задачи: демонстрируется способ определения актуальной политики в горизонте «метафизических основоположений»; выявляются основоположения парадигматического представления политического и принципы конструирования нарратива современной либеральной демократии; анализируется процедура придания достоверности теоретическим суждениям о политическом.

Методология. Парадигматическое представление политического может быть понято, и только вследствие этого объяснено; понимание относится к реальному понятию, объяснение – к действительности. Совмещение различаемых в традиции западной философии «реального» и «действительного» происходит в философском понятии; формирование понятия предполагает философский интерес. Философская герменевтика и дедукция предоставляют инструменты, пригодные для понимания политического в единстве: от «метафизических основоположений» до практической политики.

Результаты. Выглядит достоверным утверждение о романтической природе современного представления политического в либеральной экономической парадигме. Доказывается, что историческая и эстетическая репрезентация, более чем «миметическая», выполняет императивы, приписываемые современной форме политического – западной представительной демократии. Демонстрируется очевидность необходимой замены «центра политической онтологии» с суверена на «пустое место».

Выводы. Представительная демократия, романтическая и постмодернистская, является необходимой и легитимной формой современного либерального способа представления политического. Основной задачей эстетической политики полагается обеспечить безопасность: «держаться середины и избегать крайностей», исключить событие, нормализовать политическое, т. е. провести банализацию политики.

Ключевые слова: романтизм; понятие политического; пустое место и суверен; банализация политики; либеральная представительная демократия; историческая политическая репрезентация; эстетическая политика.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л. «Политический романтизм» и «эстетическая политика»: содержание, сопоставление, критика // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14, № 2. С. 236–251. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-2-236-251>.

Поступила в редакцию 10.02.2024

Принята к публикации 05.03.2024

Опубликована 27.04.2024

"Political Romanticism" and "Aesthetic Politics": Content, Comparison, Criticism

Konstantin G. Maltsev¹, Anna V. Maltseva¹ ✉, Leonid L. Lomako¹

¹ Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov
46 Kostyukova Str., Belgorod 308012, Russian Federation

✉ e-mail: pavic69@mail.ru

Abstract

Relevance. In Western political philosophy and political theory, the judgment that modern democracy does not have a satisfactory general ("synoptic") theory, has the status of (almost) universal significance – the philosophical interpretation of this "situation" is an urgent research task for modern political philosophy.

Purpose. The representation of the political in the "concept of the political" and the "economic paradigm of the political" reveals identical characteristic features; the configuration of their unity and the assessment attributed to them differ – the goal is to understand the different meanings attributed to the same "phenomena" and "processes" of modernity in conceptual frameworks defined by opposite paradigms.

Objectives. The method of determining the actual policy in the horizon of "metaphysical principles" is demonstrated. The fundamentals of the paradigmatic representation of the political and the principles of constructing the narrative of modern liberal democracy are revealed. The procedure of giving credibility to theoretical judgments about the political is analyzed.

Methodology. The paradigmatic representation of the political can be understood, and only as a result explained; understanding refers to the real concept, explanation – to reality; the combination of the "real" and "real" distinguished in the tradition of Western philosophy takes place in a philosophical concept; the formation of the concept presupposes philosophical interest; philosophical hermeneutics and deduction provide tools suitable for understanding the political in unity: from "metaphysical foundations" to practical politics.

Results. The statement about the romantic nature of the modern representation of the political in the liberal economic paradigm looks reliable. It is proved that historical and aesthetic representation, more than «mimetic», fulfills the imperatives attributed to the modern form of political – Western representative democracy. The evidence of the necessary replacement of the «center of political ontology» from the sovereign to an «empty place» is demonstrated.

Conclusions. Representative democracy, romantic and postmodern, is a necessary and legitimate form of the modern liberal way of representing the political. The main task of aesthetic politics is supposed to ensure security: "keep to the middle and avoid extremes", exclude an event, normalize the political, that is, to banalize politics.

Keywords: romanticism; the concept of the political; an empty place and a sovereign; banalization of politics; liberal representative democracy; historical political representation; aesthetic politics.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Maltsev K. G., Maltseva A. V., Lomako L. L. "Political Romanticism" and "Aesthetic Politics": Content, Comparison, Criticism. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2024; 14(2): 236–251. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-2-236-251>.

Received 10.02.2024

Accepted 05.03.2024

Published 27.04.2024

***

Введение

В 1919 г. К. Шмитт опубликовал работу «Политический романтизм» [1], его первый опыт *философской критики* политики; Шмитт доказывает, что влияние романтической «установки» (или можно сказать, что «атмосферы») на политические *идеи* и на *практику* далеко выходит за рамки *ситуации*, но «созвучно» господствующему настроению *современности*. Его критика «либеральной метафизики» [2], начатая в конце 20-х годов XX века и продолжавшаяся до самого конца продолжительного периода его творчества (Шмитт умер в 1984 г.), подтвердила, что «политический романтизм» вовсе не *случайный эпизод*, но *определяющий фактор* (по крайней мере – «стилистически») представления политического и с *необходимостью* «входит в состав» того, что позже было названо либеральной версией экономической парадигмы политического [3]. Это было *признано* уже в конце XX в.: Ф. Р. Анкерсмит определяет либеральную представительную демократию как «романтическую» [4], не только по *происхождению*, но по *сути*, и постмодернистскую (т. е., по Анкерсмицу, более *радикальную*, отказавшуюся от компромиссов, еще характерных для романтизма начала XIX в.). Анкерсмит во многом соглашается с анализом «романтической политики» К. Шмиттом; по крайней мере, все характерные черты, которые выявил Шмитт, признаются таковыми и Анкерсмитом, – происходит «только» *изменение оценки*: то, что Шмитт считал *вырождением политического*, Анкерсмит, напротив, оценивает как единственно возможный способ *обеспечения гарантий* самого существования политического в его *либеральной представленности*: целью *эстетической политики*, по Анкерсмицу, является не меньше чем «спасение демократии». Задачей нашей статьи является *демонстрация необходимо-*

сти, с которой происходит подобное *изменение оценки*; для этого необходимо провести своего рода инвентаризацию аргументов, выдвинутых Анкерсмитом, с точки зрения их *значения*: мы *доказываем*, что значение и сама *достоверность* являются результатом *вписанности* современного представления политического в *контекст* экономической парадигмы политического, господствующей в современном общественном знании и определяющей не только *экспертные суждения* политических философов и теоретиков политики, но и *влиятельное* (здесь следует указать на значение *публичности* для либеральной мысли) *общественное мнение*.

Материалы и методы

Выбор методологии отчасти *предопределен* тем обстоятельством, что и Шмитт, и Анкерсмит предлагают *философскую концептуализацию* либерального представления политического. К. Шмитт утверждал, что «необходимо рассматривать либерализм как последовательную, объемлющую, метафизическую систему» [2, с. 129]; требуется *соразмерный* ей способ *понимания*, т. е. именно философия. Анкерсмит также доводит свой анализ до того, что можно назвать «основоположениями» (до ἀρχή), что также определяет *место* предмета исследования – философию. Далее, следует принимать в расчет, что и Шмитт и Анкерсмит не скрывают *философского интереса* к своему *предмету*. Главное же: решение поставленной нами задачи: демонстрация *парадигматической определенности* современного представления политического, – предполагают именно философскую постановку вопроса. В отличие от научных *дисциплин*, границы которых, по утверждению Хайдеггера [5, с. 325–326], *задаются* им философией, философия суверенна, т. е. сама проводит для себя границу в соответствии со своей собственной целью: дойти до *основопо-*

жений, или, как писал Шмитт, образовывать «метафизические понятия» (предел здесь, по Шмитту, – *миф*), в которых реальное и действительное (различение, удерживаемое европейской метафизикой на протяжении всей ее истории, но теперь основательно забытое) «примечательно совпадают». И Шмитт, и Анкерсмит показывают: чтобы быть *понятием*, политическое должно быть *представлено в горизонте основоположений*, т. е. необходимо «метафизическое понятие политического» [6]. Такой подход с точки зрения современной науки не является «бесспорным»; более того, дисциплинарно организованная наука с самого возникновения решительно уклоняется от всяких связей с «метафизическими фантазиями» (сама философия давно, кажется, «отказалась от себя», пытаясь встроиться в дисциплинарную структуру современной науки [7]), – в защиту можно только сослаться на *результат*: показать, что у Шмитта и Анкерсмита получилось сказать нечто, *имеющее значение*, что нельзя *игнорировать* даже при проведении строгих дисциплинарных штудий.

Результаты и их обсуждение

Характерные черты политического романтизма. К. Шмитт

Определение «романтического» «должно исходить не из какого-либо предмета или темы, воспринимаемых как романтические» [1, с. 9], но из того, что Шмитт называет «романтический субъект», – методологическая установка, которая разделяется также и Анкерсмитом. Причем традиционного представления, связываемого с романтизмом, о «прекранодушии», или о «естественной доброте человека», совершенно недостаточно (хотя в контексте такие суждения не являются совершенно ошибочными): они лишены *определяющего значения*. Недостаточным для определения также является противопоставление романтизма Просвещению

или Классицизму; «мистицизм» и «иррационализм» часто сопутствуют романтизму, но нисколько не являются его *сутью*. Шмитт также считает недостаточными (но также не вполне ошибочными) определение романтизма через особенности «национального характера»: «смешение» «немецкости» и «латинства» (или «галльскости») придает романтизму специфическую «окраску» (облик), причем романтизм чаще приписывается «немецкости», – но также не относится к сути. В общем «познани того, что существенно для романтического, не должно начинаться с позитивных или негативных, гигиенически-морализаторских или полемически-политических оценок» [1, с. 11]: критика «приобретает более значительную глубину лишь тогда, когда романтизм исторически встраивается в обширную историческую конструкцию последних веков» [1, с. 16]. При этом социологическое объяснение посредством редукции романтизма к процессу «восхождения буржуазии» и ее политической борьбы за новый политический порядок Шмитту известно (Шмитт ссылается на И. Тэна), но также не кажется ему убедительным.

Что касается именно политического романтизма, то Шмитт указывает (как это делает и Анкерсмит) на «безусловную» связь романтизма и революции, но одновременно и реставрации также, причем ни «уход от действительности», ни, наоборот, призывы к «позитивному опыту и действительности» не могут сами по себе характеризовать романтизм, так как в равной степени ему свойственны, в зависимости от ситуации. В целом же связь Реформации, Революции и Романтизма должна приниматься в расчет при *определении понятия*; важно только избежать сведения романтизма на «бунт и анархию», равно как на «консервативную реставрацию».

Исходной точкой для понимания романтизма следует полагать самопрезента-

цию и позиционирование себя по отношению к «иному» романтического субъекта, которые должны быть вписаны в перспективу *современности* – «обширную историческую конструкцию последних веков»: свидетельства о себе романтиков подлежат *интерпретации в контексте*.

Что касается «эпохи», то Шмитт полагает существенно относящимся к романтизму следующую ее характерную черту: «Сегодня повсюду возводятся “кулисы”, за которыми таится собственно живая действительность. В этом проявляется неуверенность эпохи и ее глубокое ощущение собственной обманутости. Эпохе, которая не в состоянии породить из собственных предпосылок большую форму и репрезентацию, суждено стать жертвой таких настроений и считать все оформленное и официальное обманом» [1, с. 26]. Единственная специфическая достоверность для романтика, и в этом сказывается влияние немецкой классической философии, особенно, отмечает Шмитт, влияние Фихте, – это существование собственного «я». Романтизм, безусловно, *индивидуалистичен* (это первая «точка совпадения» с либерализмом, которую мы должны зафиксировать; далее их будет выявлено еще множество), но его «субъект» бессодержателен, вернее, не имеет постоянного, «фиксированного» содержания, но есть только «точка привязки» *переживаний*. То же можно сказать о внешней по отношению к романтическому субъекту действительности: она не просто «фрагментирована» и «текуча», но любое ее содержание должно рассматриваться как результат «творческой деятельности» *пустого* «я». Романтическая позиция «является позицией оставляющего за собой права субъекта» [1, с. 129]; «субстанциальная действительность была преодолена» [1, с. 142]. Действительность – «только повод» для романтической продуктивности, «романтической игры фантазии»: «объект лишен

субстанции, сущности и функции» [1, с. 154]. Все можно сделать «удобными символами занимающегося самим собой субъекта» [1, с. 141]; романтический субъект – «художник», «поэт», для которого «все становится началом бесконечного романа» [1, с. 34].

Природа романтической продуктивности определяется самой сутью «романтического субъекта» – *отсутствием содержания*: романтический субъект – это «пустое место», способное вместить «что угодно»; главное, на чем настаивает Шмитт, – это *пассивность*, существенная неспособность к решению (об этом специально в связи с характеристикой политической философии). Самое существенное определение романтизма, позволяющее его *понять*, определяется Шмиттом так: «Здесь и заключен решающий пункт. Если чем и можно тотально определить романтизм, то это отсутствием какого бы то ни было отношения к *causa*» [1, с. 151]. Интересующий нас в этом рассуждении аспект «романтического окказионализма» может быть определен так: «Своеобразие духовного типа, который можно обозначить как окказионалистический, заключается, прежде всего, в том, что вместо решения проблемы он уничтожает факторы, составляющие проблему» [1, с. 170] (как мы увидим, это еще одна «точка совпадения» с либеральной политикой, нацеленной на снятие любого конфликта или противоречия посредством их «переформулирования», – Анкерсмит). Собственно, любая действительность романтиками представляется так, что всегда готов *выход*: окказионализм позволяет «ускользнуть из одной реальности в другую», романтика «не беспокоит вопрос об истинной причине, ведь он сам являлся творцом мира, в котором жил» [1, с. 165]. Романтический субъект, художник, лишен способности к объективации, т. е. – к фиксированному; «романтик хочет быть продуктивным, но с

присущей ему органической пассивностью, которая входит в его окказионалистскую структуру, не желает становиться активным»; Шмитт определяет это как «ядро политического романтизма», но это же *требование* ограничиться *исторически бессодержательной деятельностью*, исключить в этом смысле *событие* из действительности – цель и задача демократической политики, если ее правильно, как предлагает Анкерсмит, понимать. Вместо событий, истории – «суматошная пестрота романтического», растворенного «в своем простом принципе субъективизированного окказионализма» [1, с. 282] (добавим, лучше всего схваченная не столько лозунгом или программой, но принципом политической философии реформации, – «обогащаться»; но это также программа эстетической политики и суть либеральной представительной демократии, как ее представляет Анкерсмит). Таким образом, делает вывод Шмитт, «из структуры романтического как обращенного к эстетической продуктивности окказионалистического *consentement* вытекает решение: полная несовместимость романтического с какой бы то ни было моральной, правовой или политической меркой» [1, с. 216], – «принципиальная беспринципность демократии», по Анкерсмиту, единственно способная обеспечить *безопасность* в условиях принципиально неразрешимых социальных конфликтов (она и возникла, по Анкерсмиту, для решения такого конфликта после революций). Шмитт утверждает: «Психологически и исторически романтизм является продуктом буржуазной безопасности» [1, с. 177].

Все остальные *характерные черты* романтизма, которые перечисляет Шмитт: «ирония, эстетическое мировоззрение, противоположности между возможным и действительным, бесконечным и конечным, ощущение конкретного ми-

га» [1, с. 125], – понятны из *позиции романтического субъекта*.

Романтический субъект ставит себя на место Бога, когда он «достаточно сильно ощущает», что сам «играет роль творца мира и продуцирует реальность из самого себя» [1, с. 123]; но, как утверждает Шмитт, в отличие и от Бога, и от «метафизики», и даже от «науки», которые *проводят границу*, определяющую как действительность, так и предмет познания (неважно, что здесь «в начале»), то пустое место на это не способно и этого не «хочет»: «упразднение всех границ, потребность в тотальности» являются характерными для романтизма: «все сводится к точке; определения, которых романтик избегал из-за их ограничительного характера, становятся бессодержательным пунктиром», вместо понятий – «аподиктические идентификации, в которых концентрируется точка» [1, с. 142]. Отсюда – «притязание на непонятность и на нечто большее, чем в состоянии выразить человеческие слова» [1, с. 16], – Анкерсмит утверждает, что «невозможна и не нужна теория демократии» [4, с. 396], ее нужно «изображать»: само политическое здесь «эстетически и исторически репрезентируется» как «произведение искусства». Художник не просто свободен в своем творчестве, продукт этого творчества свою суть имеет не от «референта – изображаемой действительности», но от художника, от *перспективы*, до и помимо которых «эстетического предмета» просто *нет*.

Эстетическое отношение к действительности является *характерной чертой современности*; до и помимо теорий эстетической и исторической репрезентации политического Анкерсмита многие исследователи отмечали это обстоятельство: например, Р. Сенет, в книге «Падение публичного человека» [8] подробнейшим образом описывает, как и почему

«эстетическое» становится «политическим». Шмитт считает нужным поставить вопрос: «Если вышесказанным объяснена сбивающая с толку пестрота романтической декорации в ее простом принципе, то все же остается следующий, более важный вопрос о том, какая духовная структура лежит в основании этого пространства эстетического и почему движение выступило и имело такой успех именно в XIX в» [1, с. 29]. Он полагает, что «как во всяком подлинном объяснении, и здесь метафизическая формула является наилучшим пробным камнем» [1, с. 29]. Шмитт определяет перспективу, в которой вопрос должен *быть поставлен*: «Любое движение зиждется, во-первых, на определенном, характерном отношении к миру и, во-вторых, на определенном, даже если и не всегда осознанном, представлении о последней инстанции, об абсолютном центре» [1, с. 29], – и дает свой ответ (итог сказанного выше): «Романтическое отношение к миру яснее всего обозначается своеобразным понятием – *occasio*. Можно описать его с помощью таких представлений, как “повод”, “возможность”, вероятно, также “случай”. Но истинное значение оно обретает в результате противопоставления: оно отрицает понятие *causa*, т. е. принуждение исчисляемой причинности, а также любую привязку к норме. Это отменяющее понятие, так как все, что придает жизни и происходящему последовательность и порядок, – будь то механистическая исчисляемость причинного или же целесообразная или нормативная связь, – несовместимо с представлением о просто окказиональном. Там, где вероятное и случайное возводятся в принцип, возникает пренебрежение такими связями... Такая характерно окказиональная позиция может сохраняться, однако при этом на место Бога в качестве высшей инстанции и задающего меру фактора может заступить и нечто иное, например госу-

дарство, народ или же отдельный субъект. Последнее и происходит в романтизме. Поэтому я предложил формулу: романтизм – это субъективированный окказионализм, т. е. в романтизме романтический субъект рассматривает мир как повод и возможность своей романтической продуктивности» [1, с. 30]. Шмитт указывает, что многие «разновидности метафизической позиции существуют сегодня в секуляризированной форме», «однако сама позиция не перестает быть из-за этого метафизической», – «метафизика есть нечто неизбежное», хотя «при сохранении метафизической структуры и позиции в качестве абсолютных инстанций выступают все новые факторы» [1, с. 30]. И романтизм, и либерализм *представляют такую метафизическую позицию*, причем их основоположения схожи до тождественности, – это мы пытаемся продемонстрировать, на этом настаивает и Анкерсмит, когда пишет о «существенно романтическом характере либеральной представительной демократии».

Что касается специально романтизма, то как субъективизированный окказионализм, «поскольку ему свойственно окказиональное отношение к миру», «вместо Бога романтический субъект занимает центральное место и делает из мира и всего в нем происходящего лишь повод» [1, с. 32]. В этой *перспективе* «возможность рассматривается как высшая категория» [1, с. 127]. А поскольку «в действительности романтики не могли играть роль миротворящего Я», то «состояние вечного становления и никогда не осуществляющихся возможностей они предпочитали ограниченности конкретной действительности» [1, с. 127]. Многого меняется, если действительность *представлена эстетически / исторически*; в этом случае субъекту, как художнику, может быть приписана способность «творить действительность», – именно так определяется Анкерсмитом суть «эс-

тетической политики» как творчества, в котором становится несущественным «противоречие между возможным и действительным», которое у романтиков «сливается с противоречием между бесконечным и конечным, интуитивным и дискурсивным» [1, с. 129], но только при условии, что «повторяется то же самое» и «никогда не переходят границу».

Шмитт определял либерализм через «равнодушие к истине», которую заменяет «бесконечная дискуссия», нацеленная на равновесие интересов в данный момент; Анкерсмит пишет, что условием выживания демократии является отказ от истины в пользу «организации истины». Но это – характерные черты романтизма; романтики «превращают всякую мысль в доверительную беседу», а «каждое мгновение – в исторический момент». Шмитт считает это «путем обеспечения романтического господства над реальностью»; можно, ничего не меняя, утверждать, что Анкерсмит считает это необходимыми признаками демократической политической формы. Действительные противоположности, конфликт, таким образом «выносятся за скобки», «все может стать поводом для разговора» [1, с. 238] и достигнут если не консенсус, то разумный компромисс («рациональная дискуссия» Ю. Хабермаса [9]). Шмитт прямо пишет, что в романтической позиции вполне «еще узнаваемо старое, либеральное представление о балансе» [1, с. 161], и легко «обнаруживается романтизация либеральной «дискуссии» и «баланса» и в то же время либеральное происхождение этого романтизма» [1, с. 237].

Позиция романтического субъекта характеризуется Шмиттом как *ироническая*; Анкерсмит настаивает на «иронии как сути демократии». Шмитт утверждает, что «романтическая ирония по своему возникновению – остаток рационализма» [1, с. 136], по «своей сути романтическая ирония интеллектуальное средство отго-

раживающегося от объективности субъекта», она «должна не уничтожать реальность, но, сохраняя качество реального бытия, служить субъекту в качестве средства и дать ему возможность избежать всякой definitivum» [1, с. 137]. Не лишним будет еще раз напомнить, что «принципиальная беспринципность» есть существенно *ироническая позиция*.

Итак, политическое *представляется*; здесь нет места теории: применительно к романтическому теоретику «неточно» говорить о теории или мышлении, но об изображении, в котом происходит «ироническое развоплощение мира в фантастическую конструкцию» [1, с. 140]. Государство, таким образом, есть «произведение искусства»; политика – «аффект, сопровождающий романтика в его отношениях с политическим процессом» [1, с. 279]; он равно «принимает» как реставрацию, так и революцию, причем с энтузиазмом творческого человека и в связи с *ситуацией*, как *повод*; при этом романтики совершенно уверены, что «могут этим миром управлять» [1, с. 145], и это может быть так, если мир *представлен* как эстетическая / политическая репрезентация. Романтик не способен к *решению*, любая «фиксированная определенность» здесь невозможна; романтик не способен «исходя из свободного решения придерживаться значительной политической идеи» [1, с. 100]. Романтизм не имеет критериев для решения о выборе между «справедливым и несправедливым». Романтизм *существенно антиисторичен*; ему свойственно «отрицание, негация здесь и сейчас», романтизм использует прошлое для «отрицания настоящего, как выход из тюрьмы конкретно современной реальности» [1, с. 134], при этом акцентирование на «моменте» и на бесконечной последовательности «моментов» никогда не «складывается в историю». Романтик «должен быть согласен с тем, что делает правительство» [1,

с. 205], так как это несколько его не задевает в принципе, но лишь как повод к аффекту. Романтик, таким образом, даже теоретически не выбирает и не решает, – он стремится только переживать и выставлять свои переживания, по настроению. М. Хайдеггер определял культуру как «организацию переживаний» [10, с. 544; 11], а романтик, безусловно, культурный современный человек. Одним словом, он – идеальный гражданин либеральной представительной демократии, как описывает его Анкерсмит.

Главное же, что в политическом объединяет романтизм и либерализм – это абсолютное отрицание суверена (здесь – «пустое место») и суверенного решения [12]: либеральный принцип «автоматизма правил» и «верховенства права», – положение, требующее доказательства, которое мы приведем далее.

Главное затруднение для «сближения» характеристики политического романтизма Шмиттом и концепцией эстетической / исторической политической репрезентации Анкерсмита связано с утверждением Шмитта о нерепрезентативности романтического искусства. Шмитт разъясняет, что сама по себе «абсолютизация искусства» означает для романтиков не менее абсолютный отказ от «обязательств строгой и большой формы или прозрачности» [1, с. 27], т. е. именно то, во что превратилось современное искусство, став культурой: производство артефактов на продажу. Но перед тем, как *снять* это «видимое затруднение», следует привести еще один, последний, вывод, который формулирует Шмитт, характеризуя политическую романтическую установку: «Его превосходство над окказионально рассмотренной современностью претерпевает в высшей степени ироническую перемену: все романтическое состоит на службе иных, неромантических энергий, а превосходство над дефиницией и решением превращает-

ся в услужливое сопровождение чужой силы и чужого решения» [1, с. 283]. Этот вывод особенно *значителен*, если иметь в виду «эстетическое политическое», «эстетическую политику» и либеральную представительную демократию, к характеристикам которых мы должны приступить.

Эстетическая / историческая репрезентация политического и эстетическая политика в горизонте либеральной экономической парадигмы политического

«Ответом» Анкерсмита на тезис Шмитта о «неспособности романтизма к репрезентации» можно считать анализ Анкерсмитом природы исторической реальности и сути исторической репрезентации.

В работе «Нарративная логика» [13], а затем в «Эстетической политике» [14] и «Политической репрезентации» [4] Анкерсмит доказывает, что историческая реальность *существует* исключительно посредством репрезентации, т. е. не как «вещь материального мира»; исторические феномены «реальны», но совершенно иначе. Оставляя в стороне анализ правил, по которым происходит историописание и конструирование исторической реальности историком, основания для предпочтения одного описания другому (притом, что Анкерсмит подчеркивает их «равноправность»), а также подробности, связанные с «онтическим статусом» такой реальности, обратим внимание только на два момента, доказывающие, что историописание, как его описывает и характеризует Анкерсмит, существенно *романтично* и по своей природе, и по той задаче, которую решает историк. Во-первых, историописание перспективно; конститутивными являются «точка зрения», с которой «смотрят», и «цель»: что именно хотят увидеть и показать. Анкерсмит описывает то, что он называет «перспективизм историоописания»: исторический рассказ приобретает связность в отношении к «точке зрения», перспективе, в которой он ведется; «ис-

торическое сочинение по сути – предложение к тому, как смотреть на определенную часть прошлого» [14, с. 268]. В этом смысле историописание сродни работе художника; больше того, критерий «истины» в этом случае не имеет силы, когнитивное утверждение, по Анкерсмитту, отсутствует: «Исторический текст эстетический, поскольку, как и в живописи, его успех зависит главным образом от того, удалось ли историку найти удачную перспективу, на основе которой предлагается взгляд на прошлое» [14, с. 268–269]; исторические дискуссии сводятся не к вопросу о том, истинно ли изображение, но «прежде всего о том, какая точка зрения наиболее “плодотворна” или “пригодна” для взгляда на прошлое (оптическая метафора понимается весьма буквально)» [14, с. 269].

Примечательно, что когда Анкерсмит переходит к рассуждению о том, какой способ репрезентации более подходит для политического, эстетический и исторический или «миметический», мы вступаем в область *решения*, не «основанного на истине», но на чем-то совершенно другом. Анкерсмит полагает, что «натуралистическую» традицию «фундаменталистско-стоицистской» политической философии следует преодолеть, – с этим он связывает свои усилия по созданию условий для «спасения демократии»; он подкрепляет свое *требование* ссылкой на Макиавелли (и Гвиччардини) и пишет о «макиавеллистской политической философии» как предпочтительной в сравнении со стоицистской, апеллируя не к «истине», но к «плодотворности», к «успеху»: она *пригоднее* для современной либеральной представительной демократии. Речь при этом не идет о «теории» или «метафизике», но идет об *изображении* и о *генезисе*; мы имеем аргумент о романтическом происхождении демократии и о том, что ее сохранение и безопасность зависит от *правильного нарратива*.

Суть «макиавеллистской» в противоположность господствующей «гоббсовской» традиции, по Анкерсмитту, сводится к тому, что политическое *не есть вещь*, но есть *предмет*, возникающий в *разрыве*, который конститутивен для политического как такового. Мы не находим политическое «готовым», но разрыв между «народом» и «князем» (собственно, и тот, и другой в демократии упраздняются, как ставшие ненужными «субстанциальности»), необходимость «взаимной репрезентации» которых необходима, чтобы они стали «чем-то», т. е. получили границу и определение, есть *ἀρχή* политического. Политическое возникает и становится «самим собой» в репрезентации, до которой его просто нет. «Народ» и «князь» в этом отношении выступают как творцы-художники, производящие политическое. Причем, специально подчеркивает Анкерсмит, это не шмиттовское противоположение «друг – враг», но именно – потенциальное (в демократии становящееся актуальным) множество «точек зрения» и «перспектив». Данная «природа политического» должна *удерживаться* в рассуждениях о политике.

В либеральной представительной демократии политическое становится «самим собой»; романтизм, либеральный индивидуализм и, особенно, либеральный способ *снятия любых субстанциальностей* (но он же – романтический, на это указывал, как мы видели, Шмитт) в *конкуренции интересов* дают политическому пространство для того, чтобы «развернуться» и стать определенным по своей собственной сути. Необходимым условием для этого стала *историческая ситуация* после революций (французских, но имевших значение в указанной связи для всей Европы). Несколько принципиально непримиримых (антагонистических) идеологических позиций основных политических акторов угрожали

гражданскому миру; был принят политический курс, предполагающий строгое «вынесение за скобки» любых политических принципов посредством провозглашения общей (объединяющей) цели – роста благосостояния нации (политика *juste-milieu*): «Переход от политики в революционном и наполеоновском стиле к национальной политике, пытающейся лишь сделать жизнь граждан как можно более удобной» [4, с. 163]. В этом Анкерсмит полагает сущность появившейся в это время представительной демократии; происходит «перенос удара с наших внутренних идеологических убеждений на внешнее поведение», т. е. «разрыв связей между убеждением и поведением и, главное, признание преимущества второго над первым» [4, с. 295]. Происходит то, что Шмитт расценивает как «вырождение политического»: «исчезновение политического предмета» [4, с. 111], «политический предмет стал присутствовать негативно» [4, с. 109], – Анкерсмит называет это «банализацией политики» [4, с. 162].

Условием возможности для либеральной представительной демократии является *нормализация субъекта* как гражданина, т. е. сведение его к *интересам* (процесс описывается, например, Шмиттом и Фуко [15], – но не только: Хайдеггер показывает это как *необходимое следствие* «полного развертывания сущности» новоевропейского субъекта, оказавшегося, наконец, «в собственной среде» [16, с. 266]): политическая борьба заменяется *конкуренцией интересов*. «Безразличие» и «пассивность», чуждость «решению» и неспособность к «окончательному выбору» романтического субъекта дают для этого нужный *настрой*: романтический художник в этом отношении не отличается от простого обывателя – образцового гражданина либерального политического порядка, более того, *политически*, как мы видели у

Шмитта, художник и является таким «типичным обывателем». Субъект «фрагментирован», фрагментированной является / представляется и действительность. Анкерсмит вспоминает в этой связи «романтика Шлегеля», у которого «эстетика фрагмента становится философской антропологией» [4, с. 181–182] и проводит аналогию с Р. Рорти [17], для которого самость «лишена центра», является «исторически случайной сетью верований, желаний и эмоций, за которой ничего нет», то есть представляет собой «коллаж, бессвязную смесь более или менее самостоятельных фрагментов» [4, с. 182], т. е. «самость есть стиль».

Действительность, представленная в экономической парадигме политического, полностью сформирована «экономическим интересом»: «Триумф экономики над всеми иными альтернативными основаниями политической власти» [14, с. 224]. Анкерсмит расценивает это как «редкую улыбку фортуны демократическому государству»: «Незначительные детали образуют большую потенциальную область политического действия, одновременно менее спорную и гораздо более влиятельную, чем те вопросы, на которых предпочитали фокусироваться предыдущие политические системы» [4, с. 140]. Анкерсмит видит, что «демократическое государство делает все возможное, чтобы удержать политический спор в области экономических и финансовых вопросов» и «в действительности экономическую политику и любовь демократического государства к управленческим деталям объединяет нечто большее, нежели избирательное сродство» [4, с. 139]. Здесь правит парадигматическое единство.

Следует также иметь в виду, что сама «природа политического», какой ее определяет Анкерсмит, *необходимо* предполагает и требует подобную *нормализацию*. Историческая репрезентация

политического понимается как *романтическая*; в современной либеральной представительной демократии (вообще в современном представлении политического) она еще и постмодернистская. Анкерсмит указывает, что предложенная Бодрийяром концепция *симулякра* [18; 19] наилучшим образом способствует пониманию этого. Бодрийяр выделяет симулякры трех уровней; последний, третий уровень симулякров, когда они уже ничего не представляют, кроме самих себя («за ними» нет никакой действительности), называется *гиперреальностью*, вполне «адекватное», по Анкерсмицу, представление политического: «К идеям Токвиля и Бодрийяра о склонности демократии заменять реальность гиперреальностью можно добавить важный вывод. Логическим результатом этой склонности становится то, что демократия будет эффективна лишь как инструмент для урегулирования конфликтов, возникающих в области гиперреальности. Ведь этот мир демократия создала для себя, она может понять и изменить его, она ощущает естественное родство с ним. Как и любая иная политическая система, демократия предпочитает жить в своих саморепрезентациях и включать в них все внешнее» [4, с. 185].

«Принципиальная беспринципность», отсутствие *строгих границ* и определений, «пустое место» вместо «суверена», – характерные черты современного представления политического; они определяют *стиль* либеральной представительной демократии как ее *суть*: в эстетическом представлении стиль и есть суть. Анкерсмит ссылается на К. Лефора: «Ныне мы имеем пустое место там, где раньше был очевидный центр власти» [4, с. 31]; и на «первого теоретика демократии» (разумеется, лучше здесь подходит не «теоретик», но именно «наблюдатель») Токвиля [20]: «В демократии действительно существует центр, который

удерживает ее единство и не допускает анархии и полного распада, но этот центр может правильно выполнять эту функцию, лишь поскольку сам он остается неактивным или, так сказать, «пустым» центром» [4, с. 360]. «Пустота», в числе прочего, «выступает как нейтральный фон, на котором могли разворачиваться политический спор и складываться политический баланс» [4, с. 173].

Демократия (и политическое) при *исторической репрезентации* изымаются из истории; это определяет задачи и стиль эстетической политики. Демократия, утверждает Анкерсмит, по своей природе есть «ироническое общество», которое больше «не вдохновляется желанием выполнить некое историческое, освободительное предназначение» [4, с. 278]; отказавшись от «предназначения» и иронически относясь к прежним «великим метанарративам» (Агамбен продемонстрировал это простым вопросом: «Ради чего?» [3]), современная демократия «сворачивает» «возможные варианты будущего в настоящее – или, по крайней мере, действовать так, как если бы это было возможно» [4, с. 279]. Демократия «спасается от анархии» тем, что «способна создавать упорядоченный беспорядок»; демократия консервативна в том смысле, что способна «сводить новое к аспектам старого» [4, с. 359], в демократии происходит «вращение вокруг своей оси» [4, с. 360]. Политика «колеблется, вращается в постоянном «круговом движении», избегая центра, который мог бы организовать это движение и наделить его историческим значением» [4, с. 363]. Сам Анкерсмит признает, что «историку демократических времен демократия представляется зрелищем бесконечного и беспокойного варьирования определенного количества практически неизменных принципов, поэтому в ней отсутствуют признаки подлинного исторического изменения» [4, с. 375], но это самое

представление Шмитт считал характерным для политического романтизма.

Государство перестает быть «политическим», но становится «страховой компанией»; политические проблемы в итоге «превращаются в задачи такого рода, которые решают страховые компании»; индивиды и группы преследуют свои частные интересы и также полнотой чужды «прежней политике»: границу между публичным и партикулярным *невозможно и некому провести*, но она и «не нужна»; а «когда политические решения все-таки принимаются, кажется, будто они просто «случаются» (подобно капризам погоды), вместо того чтобы рождаться в ходе публичных политических дебатов» [14, с. 231].

Подобное *нормальное состояние* должна *обеспечить* эстетическая политика. И здесь следует назвать главное. Представление политического в либеральной экономической парадигме и историческая политическая репрезентация не просто абсолютно устраняют суверена – *горизонт представления* не оставляет места для суверенитета как такового. Анкерсмит (до него – еще Х. Арендт [21; 22]) настаивают, что следует расстаться с идеей народного суверенитета в любой форме: для него нет места в современном политическом порядке и полностью исчезло то, что давало ему *значение*. Далее, по Анкерсмицу, нормализация политического означает исключение любых форм прямой демократии: политическая активность граждан должна оставаться *неполитической*; больше не имеет *политического* смысла и понятие народа (вообще, в новом порядке народу также нет места). Наконец, невозможность провести границу (на это указывает, например,

Дж. Агамбен) означает риск того, что область анонии «расширится» на все общество [23]; результатом будет, по Агамбену [24], *тотальный лагерь* и *перманентная война* [25; 26; 27]. Но это – отдельные проблемы для специального исследования.

Выводы

Итак, для того, кто *решает*, что демократия является лучшей из возможных политических форм, становится *необходимым признанием* условий ее возможности: основоположений либеральной метафизики, представление политического в экономической парадигме; эстетическая и историческая репрезентация политического, наконец, романтическая установка, – входят в число *парадигматических условий*, которые, таким образом, без и до любого «доказательства» являются *очевидными* и *принимаются* в качестве таковых. В их горизонте приобретают *достоверность* последующие рассуждения о «природе демократического правления», о «надлежащей политике» и критериях, по которым о ней «судят». «Выйти из колеи» парадигмы сложная, а по Хайдеггеру, невозможная задача: она просто не может «возникнуть», для этого «нет места». Теория демократии возможна только как *технология* решения *известных* задач, ориентированная парадигматическим представлением; для современности, как показывает Анкерсмит, способом представления является изображение, рассказ («предельная интенсивность» здесь давно получила имя: это *миф*). Политический романтизм и эстетическая политика, единые в своей парадигматической основе, являются *необходимыми* и *существенными* аспектами/элементами представления политического в его современной либеральной версии экономической парадигмы.

Список литературы

1. Шмитт К. Политический романтизм. М.: Праксис, 2015. 460 с.
2. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93–170.

3. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб.: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2019. 552 с.
4. Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2014. 432 с.
5. Хайдеггер М. Ницше: в 2 т. СПб.: Владимир Даль, 2006.
6. Шмитт К. Понятие политического // Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 280–408.
7. Жданова И. В., Мальцев К. Г. «Самооправдание философии»: «междисциплинарность» как способ «встроиться» в «дисциплинарную структуру» современной науки // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 5. С. 126–133.
8. Сеннет Р. Падение публичного человека. М.: Логос, 2002. 424 с.
9. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. М.: Весь Мир, 2022. 880 с.
10. Хайдеггер М. Размышления II–VI (Черные тетради. 1931–1938). М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 584 с.
11. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. «Культурные особенности»: политизация, деполитизация и глобальный порядок // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3 (154). С. 485–490.
12. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Еще к истолкованию «децизионизма К. Шмитта» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 3. С. 216–229.
13. Анкерсмит Ф. Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
14. Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2012. 288 с.
15. Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
16. Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради. 1938–1939). М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 528 с.
17. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 280 с.
18. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, КДУ, 2011. 392 с.
19. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с.
20. Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. 554 с.
21. Арндт Х. О насилии. М.: Новое издательство, 2014. 148 с.
22. Арндт Х. О революции. М.: Европа, 2011. 464 с.
23. Walter B. Zur Kritik der Gewalt // Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1991. Vol. 2.1. P. 179–203.
24. Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011. 148 с.
25. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.
26. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Биополитическое производство жизни и «новая война»: опыт философского истолкования // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2021. № 4. С. 86–94.
27. Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Ломако Л. Л. Дискурсы новой «гибридной» войны: содержание и критика // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 123–134.

References

1. Shmitt K. Politicheskij romantizm [Political Romanticism]. Moscow, Praxis Press Publ., 2015. 460 p.
2. Shmitt K. Dukhovno-istoricheskoe sostoyanie sovremennogo parlamentarizma. Ponyatie politicheskogo [Spiritual and historical state of modern parliamentarism. The concept of the political]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, pp. 93–170.

3. Agamben Dzh. Tsarstvo i slava. K teologicheskoi genealogii ekonomiki i upravleniya [The Kingdom and the Glory: For a Theological Genealogy of Economy and Government]. Moscow, St. Peterburg, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, Fakul'tet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU Publ., 2019. 552 p.
4. Ankersmit F. R. Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i tsennosti [Aesthetic policy. Political philosophy beyond fact and value]. Moscow, Publishing House of the State University – Higher School of Economics Publ., 2014. 432 p.
5. Xajdegger M. Nitsshe [Nietzsche]. St. Peterburg, Vladimir Dal' Publ., 2006.
6. Shmitt K. Ponyatie politicheskogo [The concept of the political]. Ponyatie politicheskogo [The concept of the political]. St. Peterburg, Nauka Publ., 2016, pp. 280–408.
7. Zhdanova I. V., Mal'cev K. G. "Samoopravdanie filosofii": "mezhdisciplinarnost'" kak sposob "vstroit'sya" v "disciplinarnuyu strukturu" sovremennoj nauki ["Self-justification of philosophy": "interdisciplinarity" as a way to "integrate" into the "disciplinary structure" of modern science]. *Intellekt. Innovacii. Investicii = Intelligence. Innovation. Investment*, 2020, no. 5, pp. 126–133.
8. Sennet R. Padenie publichnogo cheloveka [The fall of a public person]. Moscow, Logos Publ., 2002. 424 p.
9. Xabermas Yu. Teoriya kommunikativnoj deyatel'nosti [Theory of communicative activity]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2022. 880 p.
10. Xajdegger M. Razmyshleniia II–VI (Chernye tetrad. 1931–1938) [Ponderings II–VI (Black Notebooks. 1931–1938)]. Moscow, Institut Gaïdara Publ., 2016. 584 p.
11. Lomako L. L., Mal'cev K. G. "Kul'turnye osobennosti": politizaciya, depolitizaciya i global'nyj poryadok ["Cultural peculiarities": politicization, depoliticization and global order]. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal = Eurasian Legal Journal*, 2021, no. 3 (154), pp. 485–490.
12. Mal'cev K. G., Mal'ceva A. V. Eshhe k istolkovaniyu "decizionizma k. Shmitta" [More to the interpretation of "K. Schmitt's decizionism"]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2021, vol. 11, no. 3, pp. 216–229.
13. Ankersmit F. R. Narrativnaya logika. Semanticheskij analiz yazyka istorikov [Narrative logic. Semantic analysis of the language of historians]. Moscow, Idea-Press Publ., 2003. 360 p.
14. Ankersmit F. R. Politicheskaya reprezentatsiya [Political representation]. Moscow, Publishing House of the State University – Higher School of Economics Publ., 2012. 288 p.
15. Fuko M. Bezopasnost', territoriya, naselenie [Security, territory, population]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011. 544 p.
16. Xajdegger M. M. Razmyshleniia VII–XI (Chernye tetrad. 1938–1939) [Ponderings. VII–XI (Black Notebooks. 1938–1939)]. Moscow, Institut Gaïdara Publ., 2018. 528 p.
17. Rorti R. Sluchajnost', ironiya i solidarnost' [Chance, irony and solidarity]. Moscow, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo Publ., 1996. 280 p.
18. Bodriyar Zh. Simvolicheskii obmen i smert' [Symbolic exchange and death]. Moscow, Dobrosvet, KDU Publ., 2006. 389 p.
19. Bodriyar Zh. Simulyakry i simulyacii [Simulacra and simulations]. Moscow, POSTUM Publ., 2015. 240 p.
20. Tokvil' A. de. Demokratiya v Amerike [Democracy in America]. Moscow, Progress Press Publ., 1992. 554 p.
21. Arendt X. O nasilii [About violenc]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2014. 148 p.
22. Arendt X. O revolyutsii [About the revolution]. Moscow, Evropa Press Publ., 2011. 464 p.
23. Walter B. Zur Kritik der Gewalt. Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1991, vol. 2.1, pp. 179–203. (In German)
24. Agamben Dzh. Homo sacer. Chrezvychainoe polozhenie [Homo sacer. State of emergency]. Moscow, Evropa Publ., 2011. 148 p.
25. Xardt M., Negri A. Mnozhestvo: voyna i demokratiya v epokhu imperii [The multitude: war and democracy in the era of empire]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2006. 559 p.
26. Mal'cev K. G., Mal'ceva A. V. Biopoliticheskoe proizvodstvo zhizni i "novaya vojna": opyt filosofskogo istolkovaniya [Biopolitical production of life and the "new war": the experience of philo-

27. Mal'cev K. G., Mal'ceva A. V., Lomako L. L. Diskursy novoj "gibridnoj" vojny: sodержanie i kritika [Discourses of a new "hybrid" war: content and criticism]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i parvo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2021, vol. 11, no. 4, pp. 123–134.

Информация об авторах / Information about the Authors

Мальцев Константин Геннадьевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: maltsevaannav@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1398-6625

Konstantin G. Maltsev, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: maltsevaannav@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1398-6625

Мальцева Анна Викторовна, кандидат политических наук, доцент кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: pavic69@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-7287-3113

Anna V. Maltseva, Candidate of Sciences (Political), Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod state Technological University named after V. G. Shukhov, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: pavic69@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-7287-3113

Ломако Леонид Леонидович, старший преподаватель кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: parmenid@bk.ru,
ORCID: 0000-0001-9608-615X

Leonid L. Lomako, Senior Lecturer of the Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: parmenid@bk.ru,
ORCID: 0000-0001-9608-615X